

Научная статья

УДК 339.923

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ГЛУБИНЫ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ФОРМАТОВ

Андреева Ольга Валентиновна, Доктор экономических наук, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Факультет экономики и финансов, Россия, Ростов-на-Дону, andreeva.ov@mail.ru

Аннотация. Евразийское экономическое пространство характеризуется одновременным функционированием нескольких форматов международного взаимодействия, различающихся правовой природой, уровнем институционализации и экономическими инструментами. Цель исследования заключается в сравнительной оценке институциональной глубины Евразийского экономического союза, экономической составляющей деятельности Шанхайской организации сотрудничества и инициативы «Пояс и путь», а также в выявлении направлений их функционального взаимодействия. Методическую основу составили сравнительно-институциональный и структурно-функциональный подходы, анализ документов интеграционных объединений и инициатив, а также результаты современных исследований региональной экономической интеграции. Показано, что непосредственное применение единого индекса глубины региональных торговых соглашений ко всем трём форматам методологически ограничено: ЕАЭС представляет формализованное интеграционное объединение с элементами наднационального регулирования, ШОС - межгосударственную организацию с развивающейся системой торгово-экономической координации, а «Пояс и путь» - трансрегиональную инфраструктурно-инвестиционную инициативу, основанную преимущественно на проектных и двусторонних механизмах. Для их сопоставления предложена матрица институциональной глубины, учитывающая правовую обязательность, охват экономического регулирования, наличие общих институтов, степень

практической имплементации и инфраструктурно-проектную составляющую. Установлено, что ЕАЭС обладает наиболее высокой нормативно-институциональной глубиной, тогда как сравнительные преимущества «Пояса и пути» проявляются в транспортной и инвестиционной связанности, а ШОС служит дополнительной многосторонней площадкой для экономического диалога, содействия торговле и координации. Определены направления потенциальной синергии в транспортно-логистической, таможенной, цифровой и информационной сферах. Вместо полной унификации разнородных режимов предложен принцип селективной совместимости, предусматривающий согласование процедур только в тех областях, где это снижает трансакционные издержки хозяйствующих субъектов.

Ключевые слова: экономическая интеграция; Евразия; ЕАЭС; ШОС; «Пояс и путь»; институциональная глубина; регионализация; торгово-экономическое сотрудничество; транспортная связанность; сопряжение интеграционных форматов.

Original article

ECONOMIC INTEGRATION IN EURASIA: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INSTITUTIONAL DEPTH AND INTERACTION OF INTEGRATION FORMATS

Andreeva Olga Valentinovna, Doctor of Economics , Rostov State University of Economics (RINH), Faculty of Economics and Finance, Rostov-on-Don, Russia, andreeva.ov@mail.ru

Abstract. The Eurasian economic space is characterised by the simultaneous operation of several international cooperation formats that differ in their legal nature, institutionalisation and economic instruments. The study aims to compare the institutional depth of the Eurasian Economic Union, the economic dimension of the Shanghai Cooperation Organisation and the Belt and Road Initiative and to identify possible areas of functional complementarity among them. The methodological

framework combines comparative institutional and structural-functional approaches, analysis of official integration documents and recent research on regional economic integration. The study demonstrates that applying a single regional trade agreement depth index to all three formats has significant methodological limitations. The EAEU is a formalised regional integration organisation with elements of supranational regulation; the SCO is an intergovernmental organisation with an expanding trade and economic cooperation agenda; and the Belt and Road Initiative is a transregional infrastructure and investment framework implemented mainly through project-based and bilateral mechanisms. A comparative institutional-depth matrix is therefore proposed, covering legal enforceability, scope of economic regulation, common institutions, implementation mechanisms and infrastructure-project coordination. The EAEU displays the greatest regulatory and institutional depth, while the comparative advantage of the Belt and Road Initiative lies in infrastructure and investment connectivity. The SCO provides an additional multilateral framework for economic dialogue, trade facilitation and coordination. Potential complementarities are identified in transport and logistics, customs cooperation, digitalisation and information exchange. Rather than pursuing full harmonisation of heterogeneous regimes, the study proposes selective compatibility in areas where coordination can directly reduce transaction costs for economic actors.

Keywords: economic integration; Eurasia; EAEU; SCO; Belt and Road Initiative; institutional depth; regionalisation; trade and economic cooperation; transport connectivity; integration interface.

Введение. Экономическое пространство Евразии отличается сосуществованием нескольких механизмов международного взаимодействия, заметно различающихся по своим целям, правовой конструкции и используемому инструментарию.

Наиболее институционализированным из рассматриваемых форматов является Евразийский экономический союз. Его развитие связано с

функционированием таможенного союза, формированием общих рынков, согласованием отдельных направлений экономической политики и деятельностью постоянно действующих органов. Подписанная государствами-членами в декабре 2023 г. Декларация «Евразийский экономический путь» предусматривает дальнейшее развитие экономических процессов до 2030 г. и определяет долгосрочные ориентиры до 2045 г. [14].

Результаты первого десятилетия функционирования Союза свидетельствуют об укреплении взаимных торговых связей. По данным Евразийской экономической комиссии, в 2024 г. взаимная торговля товарами государств ЕАЭС достигла 97,7 млрд долл. США, увеличившись более чем в два раза по сравнению с 2015 г.; доля взаимной торговли в совокупном внешнеторговом обороте повысилась с 13,5 до 19,8% [15]. Эти показатели сами по себе не позволяют определить причинный эффект интеграции, но свидетельствуют об усилении внутрисоюзных торговых связей.

Шанхайская организация сотрудничества имеет иную институциональную природу. Она не устанавливает общего преференциального торгового режима и не обладает наднациональными полномочиями, сопоставимыми с ЕАЭС. Вместе с тем экономическая повестка ШОС постепенно расширяется. В 2023-2024 гг. государства ШОС продолжили реализацию Стратегии экономического развития до 2030 г., программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества, механизмов содействия торговле, инвестициям, электронной коммерции, таможенному и транспортному взаимодействию [18, 19]. В Астанинской декларации 2024 г. отдельно выделены задачи содействия торговле, взаимодействия таможенных и сертификационных органов и развития цифровой экономики.

Инициатива «Пояс и путь» образует третий тип взаимодействия. Она не является международной организацией или единым региональным торговым соглашением. Её архитектура складывается из инфраструктурных, инвестиционных, финансовых, торговых и иных проектов, реализуемых на

основании комплекса межправительственных, межведомственных и коммерческих договорённостей [20]. Официальная концепция 2023 г. также характеризует BRI как платформу международного сотрудничества, а не как единый наднациональный режим.

При этом различие форматов не исключает их взаимодополняемости. Исследования последних лет свидетельствуют о практическом взаимодействии инфраструктурных проектов «Пояса и пути» с транспортно-интеграционными механизмами ЕАЭС [16, 17, 21]. В евразийском пространстве одновременно могут действовать нормативная интеграция, проектная связанность и межгосударственная координация.

Цель исследования состоит в сравнительной характеристике институциональной глубины указанных форматов и выявлении экономически обоснованных направлений их сопряжения.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточняется применимость концепции глубоких торговых соглашений к евразийским форматам; формируется сопоставимая система критериев институциональной глубины; раскрываются специфические функции ЕАЭС, ШОС и BRI; устанавливаются сферы комплементарности и возможных регуляторных расхождений; предлагаются практические механизмы повышения совместимости существующих режимов.

Обзор литературы. Современная теория региональной экономической интеграции всё меньше ограничивается анализом тарифной либерализации. Значение приобретают правила в сфере услуг, инвестиций, технического регулирования, государственных закупок, конкуренции, цифровой торговли и движения факторов производства.

Развитием данного направления стала концепция глубоких торговых соглашений - Deep Trade Agreements. Методология Всемирного банка анализирует не только наличие торгового соглашения, но и охват регулируемых областей и юридическую обязательность закреплённых положений [11]. База

данных Всемирного банка включает множество преференциальных торговых соглашений и используется для сравнительного анализа глубины региональной интеграции.

Вместе с тем указанная методика имеет чёткую предметную границу: объектом кодирования выступает торговое соглашение. Поэтому её распространение на международную организацию координационного характера или на трансрегиональную инфраструктурную инициативу создаёт проблему категориальной несопоставимости.

Современные исследования также показывают, что более глубокая интеграция не должна отождествляться с механическим увеличением числа регулируемых сфер. Р. R. Нерман установил, что дополнительные обязательства в глубоких соглашениях способны стимулировать торговлю, но предельный эффект расширения договорного содержания может снижаться; следовательно, наиболее глубокое соглашение не обязательно является экономически оптимальным при любой конфигурации институтов [12].

Применительно к ЕАЭС эмпирические исследования подтверждают значимость интеграционного фактора для взаимной торговли. Е. Pomerlyan и М. Belitski, анализируя данные пяти государств ЕАЭС, выявляют положительное воздействие региональной интеграции на торговые потоки, одновременно показывая неоднозначность результатов по другим макроэкономическим показателям [13].

Отдельное направление литературы посвящено сопряжению ЕАЭС и китайской инициативы. Л. Б. Вардомский рассматривает их взаимодействие прежде всего через развитие транспортной связанности и формирование евразийского транспортного каркаса [16]. М. D. Sahakyan и Y. Zheng также показывают, что отношения ЕАЭС и BRI имеют значительный потенциал комплементарности в инфраструктурной и торгово-логистической сферах [17].

ШОС представляет иной случай. Исследование Ш. М. Еникеева, А. В. Лукина и Д. П. Новикова характеризует организацию как значимый евразийский

механизм взаимодействия, но отмечает неодинаковую степень практической реализации её многочисленных направлений деятельности [18].

Таким образом, необходима методика, позволяющая разграничить глубину нормативной интеграции, интенсивность межгосударственной координации и масштаб инфраструктурно-проектного взаимодействия (таблица 1).

Таблица 1 - Критерии сравнительной оценки евразийских форматов экономического взаимодействия

Критерий	Содержание оценки	Высокая степень	Средняя степень	Ограниченная степень
Правовая институционализация	Единая договорная база, органы и процедуры	Развитая многосторонняя договорная система и постоянно действующие институты	Формальные межгосударственные механизмы без существенной наднациональности	Проектные, рамочные и двусторонние договорённости
Торговая интеграция	Преференции, таможенные правила, устранение внутренних барьеров	Таможенный союз / развитый единый рынок	Отдельные меры торгового содействия	Отсутствие общего преференциального режима
Услуги и инвестиции	Общие правила доступа и защиты	Значительный объём общих обязательств	Координация отдельных направлений	Проектное взаимодействие
Наднациональность	Возможность принимать обязательные решения	Действуют органы с делегированными полномочиями	Межправительственные решения	Отсутствие общего органа регулирования
Имплементация	Контроль выполнения общих решений	Постоянный мониторинг и специальные механизмы исполнения	Выполнение программ через национальные органы	Проектная реализация по отдельным соглашениям
Инфраструктурная составляющая	Транспорт, логистика, инвестиционные проекты	Системная общая политика и крупные совместные проекты	Значимые координационные проекты	Отдельные инициативы
Возможность сопряжения	Взаимодействие с другими форматами	Институционально закреплённые внешние механизмы	Диалоговые и координационные механизмы	Гибкая проектная совместимость

Источник: разработано авторами.

Связь между глубиной торгового соглашения и торговыми потоками получила широкое эмпирическое подтверждение в международных исследованиях.

Методика Deep Trade Agreements исходит из того, что экономический эффект интеграции может зависеть не только от отмены тарифов, но и от устранения нетарифных и внутренних регуляторных барьеров [11].

Исследование Р. Р. Нерман также показывает, что более глубокие преференциальные соглашения способны стимулировать торговлю, однако зависимость не обязательно линейна: расширение содержания соглашений может сопровождаться убывающей предельной отдачей, а отдельные положения - создавать дополнительные издержки [12].

Применительно непосредственно к ЕАЭС Е. Pomerlyan и М. Belitski выявляют положительное воздействие региональной интеграции на торговые потоки государств-членов [13].

Методологическая и теоретическая база исследования. В исследовании используется матрица институциональной глубины экономического взаимодействия, предназначенная для сравнения неоднородных форматов.

Сопоставление осуществляется по семи параметрам:

1. Правовая институционализация. Оценивается наличие единого многостороннего правового акта, постоянно действующих органов и формализованных процедур принятия решений.

2. Торговая интеграция. Учитываются наличие преференциального торгового режима, общий таможенный режим, правила происхождения и механизмы устранения внутренних торговых барьеров.

3. Регулирование услуг, инвестиций и факторов производства. Анализируется глубина обязательств, выходящих за рамки торговли товарами.

4. Наднациональность и юридическая обязательность. Определяется, способны ли общие органы принимать обязательные решения либо

взаимодействие сохраняет преимущественно межправительственный характер.

5. Механизмы исполнения решений. Рассматриваются способы выполнения принятых решений, мониторинга их исполнения и урегулирования возникающих разногласий.

6. Интенсивность инфраструктурно-проектного взаимодействия. Оценивается роль транспортных, логистических, инвестиционных и иных совместных проектов.

7. Функциональная совместимость. Выявляется возможность взаимодействия с иными региональными форматами без обязательной юридической унификации.

В силу неоднородности объектов итоговая оценка представляется в виде качественного профиля. Используются характеристики «высокий», «средний», «ограниченный» и «не применимо».

Результаты исследования и их обсуждение. Применение методики к ключевым форматам евразийской интеграции выявило их структурную разнородность (таблица 2).

Таблица 2 - Институциональные профили ЕАЭС, ШОС и инициативы «Пояс и путь»

Параметр	ЕАЭС	ШОС	Инициатива «Пояс и путь»
Правовая форма	Международная организация региональной экономической интеграции	Международная межправительственная организация	Трансрегиональная инициатива международного сотрудничества
Единый преференциальный торговый режим	Высокая степень: таможенный союз, единый таможенный тариф и элементы общего рынка	Ограниченная: общего преференциального торгового режима нет	Не применимо: единого режима BRI не существует
Услуги, инвестиции, движение факторов	Высокая / средняя: действуют общие режимы в ряде сфер, включая рынок труда	Средняя / ограниченная: инвестиционная и экономическая координация осуществляется в рамках программ	Реализуется через национальные правила, двусторонние соглашения и отдельные проекты

Наднациональные органы	Высокая: Евразийская экономическая комиссия и Суд ЕАЭС	Ограниченная: решения имеют межгосударственный характер	Отсутствуют
Юридическая обязательность экономических правил	Высокая в пределах компетенции Союза	Средняя / ограниченная в зависимости от конкретного документа	Определяется конкретным соглашением или проектом
Механизм имплементации	Общие и национальные процедуры исполнения решений ЕАЭС	Национальная реализация стратегий, программ и планов ШОС	Реализация конкретных проектов и двусторонних обязательств
Транспортно-инфраструктурная функция	Значительная; развитие общего транспортного пространства и коридоров	Координационная; транспорт относится к направлениям экономического сотрудничества	Высокая: инфраструктурная связанность является одним из ключевых направлений
Цифровое и таможенное взаимодействие	Развитые интеграционные механизмы	Активно развивающееся направление координации	Проектная цифровая и логистическая инфраструктура
Общая институциональная характеристика	Глубокий формализованный интеграционный режим	Многосторонняя платформа межгосударственной координации	Гибкая инфраструктурно-инвестиционная платформа

Источник: разработано авторами.

ЕАЭС имеет наибольшую нормативную глубину, поскольку именно его исходной задачей является интеграция рынков государств-членов. В этом смысле первоначальный вывод исследования о более высокой институциональной глубине ЕАЭС сохраняется (таблица 3).

Вместе с тем низкая степень торгово-правовой институционализации BRI не является признаком его низкой эффективности. Для инициативы централизованная гармонизация правил изначально не является основной функцией. Её сравнительное преимущество заключается в инфраструктурной, инвестиционной и транспортной связанности [16, 17, 20, 21].

Аналогично ШОС нецелесообразно оценивать по критерию глубины таможенного союза. Экономический компонент организации формируется через межгосударственные стратегии, программы, рабочие группы и меры содействия торговле. Стратегия экономического развития ШОС до 2030 г. и решения 2024 г.

предусматривают сотрудничество в торговле, инвестициях, электронной коммерции, таможенном деле, транспорте и цифровой экономике [18, 19].

Для ЕАЭС можно проследить динамику взаимной торговли государств-членов. По данным Евразийской экономической комиссии, её стоимостной объём вырос с 45,6 млрд долл. США в 2015 г. до 97,7 млрд долл. США в 2024 г. Доля взаимного товарооборота в общей внешней торговле увеличилась за соответствующий период с 13,5 до 19,8% [15].

Указанная динамика может свидетельствовать об усилении внутрисоюзных торговых связей, однако сама по себе не позволяет определить, какая часть роста обусловлена институциональными механизмами ЕАЭС. Для причинной оценки необходимо учитывать влияние динамики цен и валютных курсов, макроэкономических условий, санкционных ограничений, географической переориентации торговли и иных факторов.

Таблица 3 - Сферы сопряжения евразийских экономических форматов

Сфера	Потенциальная синергия	Возможное ограничение	Практический механизм сопряжения
Транспортные коридоры	Сочетание инфраструктурных инвестиций BRI с едиными процедурами ЕАЭС	Различия национальных транспортных и административных требований	Согласование коридорных стандартов и расписаний, цифровизация документов
Таможенное администрирование	Использование унифицированных процедур ЕАЭС для транзитных потоков	Различия информационных систем и требований третьих стран	Предварительное информирование, электронный транзит, совместимость цифровых данных
Техническое регулирование	Снижение затрат при взаимном признании отдельных результатов оценки соответствия	Различия национальных стандартов стран, участвующих в проектах	Секторальные механизмы признания при наличии правового основания
Санитарные и фитосанитарные меры	Ускорение перемещения агропродовольственной продукции	Несовпадение национальных процедур контроля	Обмен электронными сертификатами и информацией о рисках

Электронная торговля	Расширение трансграничного доступа бизнеса к рынкам	Различия в правилах обращения с данными, защиты прав потребителей и проведения платежей	Координация через механизмы ЕАЭС и ШОС
Инвестиционные проекты	Сочетание инфраструктуры с производственной кооперацией	Различия инвестиционных режимов и процедур отбора проектов	Проектные соглашения и единые информационные окна
Информационное обеспечение бизнеса	Снижение затрат на поиск информации о требованиях	Фрагментарность информации по национальным режимам	Навигационный портал требований по основным транспортным коридорам
Разрешение разногласий	Более предсказуемая реализация проектов	Отсутствие единого наднационального режима BRI и ШОС	Использование механизмов конкретного договора, национального права и предусмотренного арбитража

Источник: разработано авторами на основе [16-21].

Источником дополнительных затрат могут становиться различия между обязательными требованиями ЕАЭС и национальными правилами конкретной страны-партнёра, а также специальными техническими условиями отдельного инвестиционного или инфраструктурного проекта.

Следовательно, задача сопряжения заключается в уменьшении конкретных случаев дублирования процедур, развитии взаимного признания и повышении информационной прозрачности требований [16, 17, 21].

Полная гармонизация регуляторных систем ЕАЭС со всеми странами, участвующими в инициативе «Пояс и путь», не представляется реалистичной и необходимой. Более рационален выбор ограниченного набора процедур, непосредственно влияющих на транзит: электронные перевозочные документы, предварительное таможенное информирование, отдельные виды санитарных сертификатов, весогабаритные параметры и обмен логистическими данными.

Взаимодействие следует выстраивать между Евразийской экономической

комиссией, компетентными государственными органами стран ЕАЭС, соответствующими ведомствами КНР и других государств, участвующих в конкретном транспортном маршруте [16, 17].

Целесообразно предусмотреть информационный ресурс, консолидирующий сведения о требованиях.

Для каждой товарной группы и маршрута могут отражаться требования ЕАЭС; национальные требования стран следования; таможенные документы; санитарные и фитосанитарные процедуры; технические документы; доступные электронные сервисы; контакты компетентных органов.

Такой инструмент способен прежде всего снизить транзакционные издержки, связанные с поиском информации.

Пилотный механизм цифровых транспортных коридоров может предусматривать электронные транспортные накладные, предварительное декларирование, однократное внесение части логистической информации и её последующее использование участниками цепочки.

Наиболее целесообразно внедрять такие решения по отдельным транспортным коридорам: сначала технология апробируется на конкретном маршруте и ограниченной номенклатуре грузов, после чего успешные решения распространяются на другие направления.

ШОС при этом способна использоваться как дополнительная площадка для согласования вопросов торговли, транспорта, таможенного сотрудничества и электронной коммерции, не приобретая функций наднационального регулятора [18, 19].

Для евразийского пространства целесообразно отказаться от предположения, что синергия требует превращения всех существующих проектов в единую организацию.

ЕАЭС, ШОС и «Пояс и путь» обладают разными сравнительными институциональными преимуществами. Поэтому перспективная архитектура может строиться по принципу «совместимость функций без унификации

институтов».

Выводы. Экономическое взаимодействие в Евразии формируется сочетанием нескольких различных механизмов.

ЕАЭС является формализованным интеграционным объединением и поэтому объективно обладает более развитой нормативной архитектурой. ШОС выполняет координационную функцию, а «Пояс и путь» строится вокруг инфраструктурного, инвестиционного и проектного сотрудничества. Следовательно, их различия не могут быть адекватно выражены единым индексом глубины регионального торгового соглашения.

Фактическая динамика также показывает укрепление внутрисоюзной торговли: её стоимостной объём в ЕАЭС достиг 97,7 млрд долл. США в 2024 г., более чем в два раза превысив уровень 2015 г. [15]. Вместе с тем данный показатель рассматривается как характеристика динамики.

Основная перспектива евразийского экономического пространства связана с развитием их функциональной совместимости.

Наиболее перспективными направлениями являются согласование отдельных транспортных и таможенных процедур, развитие электронного документооборота, создание информационно-навигационной инфраструктуры для бизнеса, пилотирование цифровых логистических коридоров и использование ШОС как многосторонней площадки экономической координации.

Таким образом, предлагаемая модель опирается на принцип «интеграции без обязательной институциональной унификации»: различные евразийские форматы могут сохранять собственную правовую природу и одновременно обеспечивать экономический эффект за счёт совместимости конкретных функций.

Ограничением исследования является отсутствие унифицированной базы, чтобы одновременно количественно оценить экономический эффект ЕАЭС, ШОС и BRI, поскольку они имеют разные цели и инструменты. Перспективным

направлением дальнейшей работы является эконометрическая оценка торгового эффекта ЕАЭС на панельных данных и проектный анализ инфраструктурного эффекта сопряжения ЕАЭС и BRI.

Список литературы

1. Семенова М. С. Евразийская экономическая интеграция: этапы эволюции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. – 2025. – Т. 25. – №. 2. – С. 228-236.
2. Михайлова Н. А., Галимова А. А. Международная экономическая интеграция в новых геополитических условиях // Вестник Национального института бизнеса. – 2022. – №. 48. – С. 98-104.
3. Дадабаева З. А., Ярыгина И. З. Евразийская экономическая интеграция и безопасность: анализ современных проблем и поиск путей их решения // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2022. – №. 1. – С. 171-179.
4. Глазьев С. Ю. Евразийская интеграция: расширение рубежей // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2022. – №. 5-1. – С. 386-387.
5. Пантин В. И. Идеологические основы евразийской экономической интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2022. – Т. 22. – №. 1. – С. 17-29.
6. Линецкий А. Ф. Экономическая интеграция в ЕАЭС в условиях роста глобальной нестабильности и направления ее трансформации // Международная торговля и торговая политика. – 2025. – Т. 11. – №. 3. – С. 66-79.
7. Шкваря Л. В. Региональная экономическая интеграция в Евразийский экономический союз: теория, уроки прошлого и новые возможности // Управление. – 2023. – Т. 11. – №. 2. – С. 95-102.
8. Максимцев И. А., Горбашко Е. А. Евразийская экономическая перспектива в новой экономической реальности // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2022. – №. 4 (42). – С. 163-165.
9. Изотов В. С. Большая Евразия как трансрегиональное интеграционное пространство: развивая теоретические подходы // Вестник Московского

- университета. Серия 12. Политические науки. – 2024. – №. 4. – С. 7-32.
10. Гришина Т. М. Роль содружества независимых государств в развитии евразийской интеграции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2023. – №. 1 (314). – С. 30-38.
11. World Bank. Evaluating, Benchmarking and Implementing Deep Trade Agreements. Module 1: Quantifying the Benefits of Deepening and Expanding Preferential Trade Agreements. – Washington, DC: World Bank, 2023.
12. Herman P. R. In Too Deep? The Economic Impacts of Deep Trade Agreements. Economics Working Paper 2024-12-D. – Washington, DC: U.S. International Trade Commission, 2024.
13. Pomerlyan E., Belitski M. Regional Integration and Economic Performance: Evidence from the Eurasian Economic Union // Eurasian Geography and Economics. – 2024. – Vol. 65. – No. 5. – P. 627–655. DOI: 10.1080/15387216.2022.2163414.
14. Декларация о дальнейшем развитии экономических процессов в рамках Евразийского экономического союза до 2030 года и на период до 2045 года «Евразийский экономический путь». – Санкт-Петербург, 25 декабря 2023 г.
15. Eurasian Economic Commission. Social and Economic Development over 10 Years of EAEU Membership. – Moscow: Eurasian Economic Commission, 2025.
16. Вардомский Л. Б. Обеспечение сопряжения китайской инициативы «Пояс и путь» и проекта ЕАЭС // Общество и экономика. – 2024. – № 7–8. – С. 112–126. DOI: 10.31857/S0207367624070088.
17. Sahakyan M. D., Zheng Y. China's Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union Cooperation over Competition // Iran and the Caucasus. – 2024. – Vol. 28. – No. 3. – P. 317–331. DOI: 10.1163/1573384X-02803007.
18. Еникеев Ш. М., Лукин А. В., Новиков Д. П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // Вестник международных организаций. – 2024. – Т. 19. – № 1. – С. 129–148. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-06.

19. Shanghai Cooperation Organisation. Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation. – Astana, 4 July 2024.
20. State Council Information Office of the People's Republic of China. The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. – Beijing, 2023.
21. Zhang W. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: Why Cooperation Not Confrontation? // *Frontiers in Political Science*. – 2025. – Vol. 7. – Article 1721059. DOI: 10.3389/fpos.2025.1721059.

References

1. Semenova M. S. Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya: etapy evolyutsii // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2025. – T. 25. – №. 2. – S. 228-236.
2. Mikhailova N. A., Galimova A. A. Mezhdunarodnaya ekonomicheskaya integratsiya v novykh geopoliticheskikh usloviyakh // *Vestnik Natsional'nogo instituta biznesa*. – 2022. – №. 48. – S. 98-104.
3. Dadabaeva Z. A., Yarygina I. Z. Evraziiskaya ekonomicheskaya integratsiya i bezopasnost': analiz sovremennykh problem i poisk putei ikh resheniya // *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*. – 2022. – №. 1. – S. 171-179.
4. Glaz'ev S. Yu. Evraziiskaya integratsiya: rasshirenie rubezhei // *Bol'shaya Evraziya: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo*. – 2022. – №. 5-1. – S. 386-387.
5. Pantin V. I. Ideologicheskie osnovy evraziiskoi ekonomicheskoi integratsii // *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*. – 2022. – T. 22. – №. 1. – S. 17-29.
6. Linetskii A. F. Ekonomicheskaya integratsiya v EAES v usloviyakh rosta global'noi nestabil'nosti i napravleniya ee transformatsii // *Mezhdunarodnaya trgovlya i trgovaya politika*. – 2025. – T. 11. – №. 3. – S. 66-79.
7. Shkvarya L. V. Regional'naya ekonomicheskaya integratsiya v Evraziiskii ekonomicheskii soyuz: teoriya, uroki proshlogo i novye vozmozhnosti // *Upravlenie*. – 2023. – T. 11. – №. 2. – S. 95-102.

8. Maksimtsev I. A., Gorbashko E. A. Evraziiskaya ekonomicheskaya perspektiva v novoi ekonomicheskoi real'nosti // Evraziiskaya integratsiya: ekonomika, pravo, politika. – 2022. – №. 4 (42). – S. 163-165.
9. Izotov V. S. Bol'shaya Evraziya kak transregional'noe integratsionnoe prostranstvo: razvivaya teoreticheskie podkhody // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 12. Politicheskie nauki. – 2024. – №. 4. – S. 7-32.
10. Grishina T. M. Rol' sodruzhestva nezavisimyykh gosudarstv v razvitii evraziiskoi integratsii // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya. – 2023. – №. 1 (314). – S. 30-38.
11. World Bank. Evaluating, Benchmarking and Implementing Deep Trade Agreements. Module 1: Quantifying the Benefits of Deepening and Expanding Preferential Trade Agreements. – Washington, DC: World Bank, 2023.
12. Herman P. R. In Too Deep? The Economic Impacts of Deep Trade Agreements. Economics Working Paper 2024-12-D. – Washington, DC: U.S. International Trade Commission, 2024.
13. Pomerlyan E., Belitski M. Regional Integration and Economic Performance: Evidence from the Eurasian Economic Union // Eurasian Geography and Economics. – 2024. – Vol. 65. – No. 5. – P. 627–655. DOI: 10.1080/15387216.2022.2163414.
14. Deklaratsiya o dal'neishem razvitii ekonomicheskikh protsessov v ramkakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza do 2030 goda i na period do 2045 goda «EvrAziiskii ekonomicheskii put'». – Sankt-Peterburg, 25 dekabrya 2023 g.
15. Eurasian Economic Commission. Social and Economic Development over 10 Years of EAEU Membership. – Moscow: Eurasian Economic Commission, 2025.
16. Vardomskii L. B. Obespechenie sopryazheniya kitaiskoi initsiativy «Poyas i put'» i proekta EAES // Obshchestvo i ekonomika. – 2024. – № 7–8. – S. 112–126. DOI: 10.31857/S0207367624070088.
17. Sahakyan M. D., Zheng Y. China's Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union Cooperation over Competition // Iran and the Caucasus. – 2024. –

Vol. 28. – No. 3. – P. 317–331. DOI: 10.1163/1573384X-02803007.

18. Enikeev Sh. M., Lukin A. V., Novikov D. P. Shankhaiskaya organizatsiya sotrudnichestva v novykh geopoliticheskikh usloviyakh // Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii. – 2024. – T. 19. – № 1. – S. 129–148. DOI: 10.17323/1996-7845-2024-01-06.

19. Shanghai Cooperation Organisation. Astana Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation. – Astana, 4 July 2024.

20. State Council Information Office of the People's Republic of China. The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future. – Beijing, 2023.

21. Zhang W. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: Why Cooperation Not Confrontation? // Frontiers in Political Science. – 2025. – Vol. 7. – Article 1721059. DOI: 10.3389/fpos.2025.1721059.

Статья поступила в редакцию 02.01.2026; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 30.03.2026.

The article was submitted 02.01.2026; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 30.03.2026.